

Юлия
БЕРИНГ

Сломанная
БАЛЕРИНА

Ты растоптал мои мечты, но не сломил меня!

Юлия Беринг

**Сломанная балерина. Ты
растоптал мои мечты,
но не сломил меня!**

«Автор»

2026

Беринг Ю.

Сломанная балерина. Ты растоптал мои мечты, но не сломил меня!
/ Ю. Беринг — «Автор», 2026

Я поступила в элитную балетную академию благодаря таланту. Но для сына ректора Артемия я всего лишь нищая провинциалка. Он растоптал мои балетки, превратил выступления в публичные унижения и решил, что может сломать меня безнаказанно. Его богатые друзья смеются, преподаватели молчат, а единственный человек, протянувший руку помощи, скрывает страшную правду о моей матери. Когда у меня отбирают стипендию, костюмы и право выходить на сцену, остаётся только одно — танцевать вопреки всем. Я найду доказательства их лжи и заставлю академию услышать меня. Даже если ради собственной мечты придётся отвергнуть обоих мужчин и начать жизнь заново. Ведь мою судьбу больше никто не купит.

© Беринг Ю., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	12
Глава 5	15
Глава 6	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Юлия Беринг

Сломанная балерина. Ты растоптал мои мечты, но не сломил меня!

Глава 1

Лак на полу ещё не высох: подошва липла у самого входа в «Гелиос». Я переступила на чистый участок и убрала письмо о зачислении в сумку. Угол письма затёрся от дороги. Всё равно хотелось держать его перед собой: вот, смотрите, меня позвали. Стипендию дали за танец, никто за меня не просил. Сегодня предстояло подтвердить её перед курсом. Из-за матовых дверей слышался рояль; я узнала вступление и обрадовалась знакомым нотам раньше, чем успела испугаться людей.

До Большого зала оставалось два шага. Сквозь стекло мелькали руки — девушки уже разминались. Я проверила лямку сумки, подняла подбородок. Если войду с опущенной головой, потом так весь урок и простою. Правда, колени дрожали так сильно, что весь этот достойный вид приходилось держать руками за лямку.

И тут плечо ударило меня в грудь.

Лица могла пройти справа — там свободно. Вместо этого задела меня плечом и продолжила идти, не посмотрев назад. У меня от удара перехватило вдох, пятка съехала с порога. Кашемировое пальто девушки мелькнуло совсем рядом: рукав мягкий, а толчок такой, что я едва удержалась. В коридоре её называли дочерью мецената. Похоже, знакомства здесь начинают именно с этого.

Дверная ручка оказалась под пальцами. Удержалась, выдохнула в стекло; на нём осталось круглое мутное пятно. Теперь ещё и входить с мокрой спиной.

Пианист оборвал фразу. На меня посмотрели двадцать человек, и я на секунду пожалела, что удержалась: упасть снаружи было бы менее публично. У станка разминался Артемий, сын ректора, капитан команды. Его фотографию я видела ещё дома — бабушка принесла журнал из библиотеки. Белый дублет вживую оказался белее, чем на снимке. Он пересёк мне дорогу, не подняв глаз. Пришлось самой отступить, чтобы мы не столкнулись.

— Простите, — тихо сказала я, хотя голос дрогнул.

Артемий остановился только тогда, когда оказался вплотную. Он посмотрел на меня сверху вниз. У него были серые глаза. Он оглядел меня и задержался на стёртом манжете.

— Пахнет провинциальной пылью, — бросил он равнодушно, не повышая голоса, но так, что слышали все. И отвернулся, продолжая разминку.

Я потянула манжет вниз, на костяшки. Дурацкий жест: он уже всё увидел. Но хотя бы нитку у большого пальца теперь не рассматривать всем остальным.

Преподаватель, маэстро Волков, хлопнул в ладоши.

— Разминка! Начинаем сразу. Без пауз. Кто опоздал на пару секунд — тот опоздал на всю жизнь.

Свободным осталось место у самого конца станка. Взялась за перекладину, чтобы никто не заметил дрожь. Желудок свело: с утра там был только чай. У метро я долго смотрела на булочки за стеклом и в итоге выбрала обратный проезд до общежития. Плохая сделка, выяснилось это на первом же приседе. Кто бы знал, что экономия так громко отзывается в коленях.

Выпрямила корпус и попробовала думать о локтях. Локти понятны: подними, округли, удержи. С людьми у меня пока такой инструкции не было. В зеркале проверила линию рук — она осталась моей, никто её не отнял.

На прыжки нас вывели в центр. Я так и не отнесла сумку к стене: в ней лежало письмо о стипендии, оставлять его под чужими ногами боялась. Зацепила лямку повыше. Маэстро дал команду. Grand jeté. Полёт.

Оттолкнулась сильнее, чем нужно. В правой икре свело мышцу, лямка дёрнула плечо, и я потеряла ось. На миг увидела свои ноги сбоку в зеркале. Неправильно, так их видеть нельзя. Хотела вернуть корпус, но уже летела к Артемию.

Мир перевернулся.

Я летела прямо на белого лебедя. На Артемия.

Подбородок Артемия ударил меня по носу. Сумка съехала с плеча, застёжка раскрылась, и всё, что я в ней берегла, посыпалось к его белым туфлям. Я ещё пыталась сгруппироваться, когда услышала хруст печенья. Крошки рассыпались по полу. Совсем нелепо: надо было съесть его утром.

Я лежала на паркете, чувствуя, как нос горит от удара. Кровь капнула на светлый паркет. Артемий стоял надо мной и разглядывал рассыпанные вещи: старые, стоптанные балетки с дырявой подошвой, пакетик с крошками печенья, дешёвую резинку для волос.

Он посмотрел на резинку рядом со своей туфлей и отодвинул её носком. Так отодвигают что-нибудь липкое. Мне захотелось немедленно поднять всё, даже крошки: пусть не прикасается.

— Мусор, — выдохнул он.

И сделал шаг вперед. Его правая туфля опустилась прямо на мою любимую балетку. Ту самую, которую я носила три года, штопая её каждую неделю. Кожа жалобно скрипнула. Я видела белый стежок у носка — вчера зашивала его в автобусе. Теперь он лопнул под чужой подошвой.

Волков стоял рядом. Видел туфлю на моей балетке. Ждал, когда я её выдерну, будто так и надо.

Поднялась слишком быстро, зал снова накренился. Подождать бы, но он уже занёс ногу. Я схватила балетку за пятку и потянула. Подошва не выходила из-под его туфли. Руки потели, ткань скользила; из-за этого поза была ещё унижительнее — стою согнутая и выпрашиваю собственную обувь.

В этот момент чья-то рука перехватила мое запястье. Холодные пальцы сжались крепко.

Лица сжала запястье. Улыбалась мне почти по-дружески, и от этого хотелось выдернуть руку ещё сильнее. Она наклонилась, но говорила достаточно громко для соседних станков:

— Не смей касаться принца своими грязными пальцами, девочка из ниоткуда. Ты испачкаешь его ауру.

Девушка у ближайшего станка прижала пальцы ко рту. Могла окликнуть Волкова, но ждала. Я невольно посмотрела на преподавателя сама: вот же он, в трёх шагах. Неужели мне нужно ещё объяснять ему, что сейчас происходит?

Лица держала моё запястье и рассматривала ноготь на другом пальце. У неё откололся лак. Моего лица она как будто не замечала. Я перестала тянуть балетку и упёрлась ногами в пол.

Рванула руку к себе и задела Лику плечом. Она качнулась, попыталась шагнуть назад, но зацепила чью-то ногу. Села прямо на паркет. Я успела подумать, что больно ударилась, прежде чем со всех сторон заговорили уже обо мне.

Не сильно. Но для публики этого хватило. Крики. Шепот. «Она ударила Лику!»

Кровь текла с носа на подбородок. Я вытерла её тыльной стороной ладони и поняла, как это выглядит со стороны: окровавленная новенькая, Лица на полу. Ни одной камеры не было включено, пока давили мою обувь. Сейчас телефоны уже поднимались.

Артемий освободил балетку. Ещё секунду смотрел на Лику, будто решал, стоит ли помочь ей подняться. Потом повернулся ко мне. Я успела подобрать обувь, но спрятать её в сумку уже не смогла: он подошёл.

— Хочешь войны? — спросил он тихо. Голос был бархатным и опасным. — Тогда давай. Танцуй.

— Я... — начала я, но он перебил.

— Вариация из «Лебединого озера». Третье действие. Прямо сейчас. Здесь. Пока не умрешь красиво.

Положила балетку в сумку и отнесла её к стене. Волков отступил к роялю. В боковой ложе сидел ректор; я посмотрела туда, но он не шевельнулся. Ни от кого команды остановить урок не будет. Тогда хотя бы доведу вариацию до конца. Её я знала — много раз проходила дома, между шкафом и столом.

Пианист начал с запинкой, поправился и вернулся к нужному такту. Я зацепилась за него: раз-два-три, поднять ногу. Плакать под эту музыку хотелось особенно сильно, поэтому пришлось считать громче, про себя.

Я закрыла глаза. «Вспомни тело. Забудь страх».

Первый арабеск удержала. Смотрела на царапину в зеркале и вытягивала носок, пока бедро не перестало дрожать. У станка кто-то переступил, скрипнула туфля. Лица уже поднялась, прижала платок к лицу. Артемий сложил руки на груди: видимо, одного удачного движения мало.

Я перешла в пируэт. Голова кружилась, но я держала ось. Один оборот. Второй. Третий.

На четвёртом повороте носок съехал. Попробовала собрать руки, вернуть себя на ось; голова опоздала за движением. Царапину в зеркале я потеряла. Вместо неё передо мной промелькнул станок, затем светлая рубашка пианиста.

Руки раскрылись сами, в попытке удержаться. От этого меня только сильнее унесло вбок. Я видела пол и уже понимала, чем ударюсь первой.

Я рухнула.

Колени приняли удар. На правом снова открылась ссадина, полученная минуту назад. Я прикусила губу, но всё равно вскрикнула. В ладони, которыми упёрлась в пол, набились крошки печенья.

Кто-то засмеялся у двери. Я подняла голову и увидела экран телефона — на нём было моё лицо. Лица промокнула угол глаза платком; я не заметила у неё слёз, только улыбку за тканью. Артемий развернулся к роялю, оставив меня перед камерой.

На бедро стекало что-то тёплое. Посмотрела вниз: кровь из колена. Синюю ткань темнило пятно, и я подумала про стирку — совершенно не вовремя. Тут должно было быть какое-то великое чувство, наверное. А мне хотелось чистых штанов и закрытой двери.

И тогда я увидела его.

У декораций стоял Кирилл. У входа его называли ассистентом хормейстера, бывшим танцором с травмой. Сейчас он не поднимал телефон, смотрел в зал, чуть подавшись вперёд. Я ждала, сделает ли следующий шаг.

Кирилл смотрел на меня, не отводя глаз. Я пыталась найти у него такую же усмешку, как у остальных, но он стиснул губы. Стоял, чуть перенося вес на одну ногу. Мне уже говорили про его травму; теперь я смотрела на эту ногу и злилась, что даже он не идёт ко мне.

Он сжал край кулисы и шагнул к сцене. Я ждала, что он тоже улыбнётся. Не улыбнулся.

Сначала хлопнула Лица. За ней подхватили другие — будто я закончила номер поклоном, а не лицом в пол. Кирилл не хлопал. Всего один человек. Я смотрела только на него.

Я чуть не позвала его. Имя уже стояло на языке, хотя мы даже не были знакомы.

Захлопали у двери, потом вдоль всего станка. Обычные ладони, обычный звук — так встречают хороший выход, я сама тысячу раз хлопала. Здесь каждый хлопок заставлял меня ниже опускать голову. Они хотели поклон? Я лежала у их ног, можно считать, что уже поклонилась.

Глава 2

Подняться сразу не вышло: колено не хотело разгибаться. Пришлось сначала встать на ладони, подогнуть здоровую ногу. Никто не прекратил хлопать. Кирилл всё ещё стоял у кулисы, и я смотрела туда, чтобы не видеть телефоны. Пусть хотя бы один человек запомнит, как я встаю, а не только как падаю.

В зале пахло канифолью. Я дышала ртом: кровь под носом успела засохнуть и стягивала кожу.

На белом дублете Артемия остался след моего носа. Он его даже не стёр. Теперь он стоял напротив, и я смотрела на это пятно всякий раз, когда поднимала голову. Колено ныло даже без движения. Согнула его чуть-чуть, попробовала, и сразу услышала: выпрями. Он следил только за мной; прочие студенты давно отошли к стене.

— Ещё раз, — голос Артемия был тихим, но в тишине зала он звучал как выстрел. — Пируэт в пять оборотов. Твоя ошибка была в центре тяжести. Исправь её или уходи.

Уйти он разрешал таким тоном, что было понятно: обратно не пустит. Я сглотнула и попробовала пошевелить пальцами в пуанте. Кожа натёрлась, на большом пальце что-то лопнуло. Если сейчас скажу, что больно, Лика засмеётся. Если промолчу, будет больнее. Всё-таки промолчала. Мне нужны были эта стипендия и место в комнате с облезлыми обоями — другого места у меня здесь не было.

Собрала руки перед собой, округлила локти. Преподаватель всё утро повторял про центр тяжести. Я пыталась поймать его не в словах, а в том месте под рёбрами, откуда обычно начинался поворот. Вдох не вышел: Артемий велел начинать раньше, чем я собралась.

На первом обороте сохранила ось. На втором меня потянуло вправо. Попыталась вернуть плечо, оттолкнуться сильнее — и перегрузила больную стопу. Третий поворот закончился уже на полу. Ладони скользнули по дереву, коленями я ударилась следом. Несколько секунд не могла понять, где заканчивается боль в ногах и начинается новая, в руках.

После удара о пол я слышала только собственное дыхание. Пианист убрал руки с клавиш.

— Жалкое зрелище, — констатировал Артемий, делая шаг ближе. Его туфли щелкнули по паркету, приближаясь ко мне. — Ты думаешь, это балет? Это цирк для нищих. Вставай.

Раскрыла ладонь. Через неё тянулась тонкая красная полоска, к ней прилипла пыль. Потёрла пальцы о штанину — лишь размазала. Лучше бы не смотрела: теперь казалось, что каждое место, на которое можно опереться, содрано.

— Посмотри на неё, — раздался сладкий, ядовитый шепот Лики из первого ряда. Она сидела, закинув ногу на ногу, и крутила в руках платок. — Она симулирует травму ради жалости. Все мы видели, как она упала раньше. Ей нравится быть жертвой. Нравится, когда на неё смотрят с состраданием.

Лику слышали. Две девушки переглянулись, одна наклонилась к другой и повторила что-то, глядя на меня. Я знала, что после урока это перескажут всей общаге. И никто не упомянет, сколько раз мне велели повторить прыжок. В пересказе я упаду один раз — специально, чтобы меня пожалели.

Закрыла глаза. Очень хотелось, чтобы меня пожалели. Увели отсюда, дали воды, сказали этому белому красавцу хоть что-нибудь. Я разозлилась на себя за это желание, потом ещё сильнее — на Лику: она сказала его вслух, превратила в обвинение.

— Вставай! — рявкнул Артемий. Не просьба. Приказ.

На его окрик открыла глаза. Он ждал на том же месте. Пришлось подниматься, упираясь здоровым краем ладони. Это заняло слишком долго; пусть подождёт, хоть в этом я не могла стать для него удобнее.

В пуанты я переобулась после первой вариации, надеясь вернуть привычную опору. Теперь ленты ослабли, пятка выскальзывала. Я не могла завязать их заново — руки тряслись слишком сильно. Тогда я просто стянула одну пуанту с правой ноги. Босая стопа коснулась холодного дерева. Пальцы растопырились, хватаясь за поверхность, как корни за землю.

— Что ты делаешь? — вопрос Артемия повис в воздухе.

— Танцую, — ответила я хрипло.

Правая нога без пуанты оказалась ниже левой. Проверила опору, осторожно перенесла вес. Артемий нахмурился: такого задания он мне не давал. Я начала движение медленно, чтобы не сорваться сразу. Получалось криво. Зато каждый переход выбирала я, а не его окрик.

Стопа болела при каждом касании, поэтому высокий подъём пришлось убрать. Я оставила поворот на низкой опоре, чуть согнув колено. Получилось резче, чем в вариации. Плечи сами подхватили это движение. Из всего хорошего, что знала про танец, сейчас пригодилось только одно: закончить фразу, пусть даже другими шагами.

В конце босая стопа протянулась по полу. Я посмотрела на неё и увидела влажный красный мазок за пяткой. Сразу захотелось прикрыть его ногой. Но тогда пришлось бы сместиться с финальной позиции, а я только что её удержала. Осталась стоять, и Артемий тоже смотрел на след.

Артемий шагнул ко мне так быстро, что я ждала нового толчка. У него приоткрылся рот, но он не сразу заговорил. По меньшей мере на эту секунду мне удалось сбить его, а не себя.

Он схватил меня за подбородок, заставив поднять голову. Его пальцы были холодными и твердыми, как сталь.

— Ты думаешь, это дерзость? — прошипел он, глядя мне прямо в глаза. Его дыхание обожгло мое лицо. — Ты думаешь, эта дешевая клоунада впечатлит комиссию? Ты потеряла право на обучение сегодня же, если не закончишь вариацию чисто. Один признак слабости — и ты вылетаешь из этого здания с одним чемоданом.

Он сказал про один чемодан, и я вспомнила свой: замок держался на резинке. Если собирать его обратно, всё придётся втискивать так же. От этой маленькой картинки в горле встал ком. Я закусила губу, чтобы не попросить его передумать.

— Я не слабая, — выдавила я сквозь зубы.

— Докажи, — отпустил он меня, толкнув назад.

Последний прыжок начала почти с места. Нормального толчка уже не было. На верхней точке потемнело перед глазами; я выставила руки, пытаюсь хотя бы выбрать, куда упасть. Зеркало было слишком близко, и я не успела отойти от него.

Я завалилась к зеркальной стене и задела её плечом.

Зеркало дрогнуло в креплении. Я ещё успела подумать, что разобью его и с меня потребуют денег. А потом — темнота. В ней я слышала лишь далёкий смех Лики, звонкий и победный, и холодный голос Артемия, отдающий приказ уборщицам: «Убрать этот мусор».

Глава 3

Очнулась я от холода.

Скамья упиралась мне в спину через тонкую рубашку. От сырой ткани знобило. Лежала поперёк деревянных планок, слушая лампы: одна гудела, другая щёлкала. Раздевалка. Значит, меня всё-таки перенесли из зала. Хотелось узнать кто, но сначала надо было перестать дрожать.

Голова раскалывалась. Я попыталась сесть, и тошнота подкатила к горлу. Рядом со мной, на полу, стояла моя сумка. Пуанты лежали аккуратно сложенными. А мои стопы...

Посмотрела на правую стопу. Марля держалась аккуратно, даже между пальцами, где самой мне всегда трудно было закрепить. Проверила край ногтем: не сползает. На внешней стороне бинта крови не было. Кто-то успел смыть её, пока я лежала.

Бинт проходил между пальцами и держался без узлов там, где натёрто. Я знала, как это выглядит, когда делаешь себе впопыхах: всё съезжает к пятке. Здесь кто-то потратил время. Пока я ничего не могла ни попросить, ни запретить. От этого было одновременно легче и противно.

Потрогала край повязки и сразу убрала руку. А если меня снимали, пока перевязывали? Завтра покажут, как академия заботится о стипендиатке, с которой сама содрала кожу. Я уже искала глазами телефон, хотя ещё никого не увидела.

— Ты очнулась раньше, чем я думал.

Голос шёл от шкафчиков. Мне показалось, я слышала его раньше в коридоре. Он не сюсюкал, и это помогло повернуть голову: очередную «бедную девочку» я бы не вынесла.

Кирилл сидел у шкафчика, поджав одну ногу. Того самого ассистента хормейстера никто на уроке не замечал, пока не требовалось перенести стул или открыть дверь. Про его колено мне успели рассказать. Сейчас он смотрел на мои бинты, а я никак не могла понять, почему человек, которого принято не замечать, заметил меня.

Он пил воду из кулера, держа стакан двумя руками, сминая тонкий пластик пальцами.

— Зачем ты это сделал? — мой голос сорвался на хрип. Я попыталась встать, но ноги не держали. Я снова упала на скамейку, ударившись бедром о деревянную планку. Боль отдалась в перевязанную стопу.

Он допил воду и поставил стакан возле своего кроссовка. Я ждала извинений, объяснений, чего-нибудь доброго. Кирилл вместо этого посмотрел, как я держу ногу. От его внимательного взгляда хотелось поправить повязку, хотя она и так лежала ровно.

— Если ты сейчас уйдёшь домой, Вера, ты станешь жертвой, — сказал он тихо. — Тебя запомнят как ту, которая упала и заплакала. Ту, которую нужно жалеть.

— А если останусь? — спросила я, сжимая кулаки.

— Ты станешь бойцом, — он пожал плечами. — Но бойцы не плачут. Бойцы анализируют ошибку.

Я смотрела на него, пока он говорил про бойцов. Удобно рассуждать, когда сидишь у шкафчика в целых кроссовках. Но я помнила его хромоту и оттого злилась ещё сильнее: он знал, как бывает больно, и всё равно читал мне лекцию.

— Ты думаешь, ты умнее всех нас? — процедила я. — Ты думаешь, ты можешь меня чему-то научить, после того как ты сам сбежал из большого танца из-за колена?

Кирилл не вздрогнул. Он даже не отвел взгляд.

— Я не сбежал, Вера. Я получил травму, защищая то, что было дороже карьеры. И я знаю биомеханику твоего падения лучше, чем Артемий знает хореографию.

Я забыла даже про ноющее плечо. «Защищая то, что было дороже». Что это значило?

— Ты видел? — спросила я, забыв про гордость. — Ты видел, как я упала?

— Я видел, как ты потеряла равновесие на третьем обороте, потому что перегрузила правую стопу, пытаюсь компенсировать недостаточную силу корпуса. Твоя ошибка не в том, что ты упала. Ошибка в том, что ты закрыла глаза перед ударом.

Кирилл поднялся, держась за шкафчик. Переждал боль в колене, затем подошёл и протянул руку. Я следила за этим первым шагом, не спеша отвечать.

— Давай я помогу тебе встать. Нам нужно идти, пока Артемий не вернулся проверить, не лежит ли твой труп в раздевалке.

Я отбила его руку. Резко. Грубо.

— Мне не нужна твоя жалость, — выплюнула я. — И мне не нужны твои советы.

Он посмотрел на свою руку, которую я отбила, и убрал её в карман. Не попытался снова. Я ждала обиды, потому что с обидой было бы проще: прогнала человека, он ушёл, всё понятно. Но Кирилл только перевёл взгляд на бинты.

— Это не жалость, — сказал он спокойно. — Это диагностика.

Возле двери Кирилл снял с крючка ветровку. Я ждала, что наденет и уйдёт. Он вернулся, положил куртку на скамью, рядом блокнот с загнутыми страницами. До них можно дотянуться. Только выбрать, что взять первым, предстояло мне.

— Здесь есть наброски, — бросил он через плечо, не оборачиваясь. — Твои движения. Где ты теряешь энергию. Где она уходит впустую. Прочитаешь, если хочешь жить здесь дальше. Если нет — сожги.

И он ушел. Дверь скрипнула и захлопнулась. Лампа над шкафчиком гудела и время от времени мигала.

Когда дверь закрылась, я подтянула куртку к себе. Сидеть без движения оказалось больше, чем ожидала: стопа ныла толчками. Всё здесь осталось прежним — лампа, шкафчики, мокрая штанина. Только на скамье лежал блокнот, который мог дать мне что-то кроме очередного «терпи». До него надо было дотянуться.

Подцепила блокнот за угол. В рисунке узнала свой поворот: таз ушёл вправо, плечо осталось слева. Кирилл отметил оба места стрелками. Повела ногтем вдоль одной, вспоминая, когда меня потянуло именно туда.

Я перевернула страницы. На последней странице, аккуратным почерком, написано не имя, а дата завтрашнего занятия и фраза:

«Твоя ошибка была не в падении. А в том, что ты закрыла глаза перед ударом».

Куртка лежала возле ноги. Подтянула её и надела. Рукав оказался длинным, я завернула край один раз, чтобы не мешал листать. От ткани пахло старым деревом и табаком. Даже в холодной ветровке меньше знобило; можно было ещё немного посидеть над рисунками, не думая, что мне приказали уйти.

Накрылась курткой плотнее и снова посмотрела на рисунки. Отчислить меня могли и завтра. Это никуда не делось. Но теперь хотя бы видела, где на третьем повороте заваливала таз. Кто-то нарисовал стрелку именно там, где я считала себя просто неудачницей.

Одну ненависть Артемия я уже научилась выдерживать: не смотреть ему в глаза лишний раз. Стрелки в блокноте требовали другого. Придётся попробовать заново, признать, что ноги всё-таки делают кое-что неправильно. Я перелистнула назад и проверила тот же рисунок. Стрелка осталась на месте, к сожалению.

Я посмотрела на окровавленный носок, лежавший рядом с пуантами. Завтра я приду сюда снова. Не ради Артемия. Не ради Лики. Ради этих линий в блокноте.

На следующую страницу упала капля с мокрого рукава. Я стёрла её большим пальцем, осторожно, чтобы не размазать карандаш. Потом вдруг улыбнулась. Ужасный день, а я всё ещё берегу какую-то бумагу. Значит, завтра соберусь и приду. Блокнот положила на колени обложкой вверх: пусть хотя бы он останется чистым.

Глава 4

В столовой я выбрала очередь, где стояло всего трое. Чашка кофе, что-нибудь съесть — и до урока можно уйти. Но через зал пришлось проходить мимо Лики. Она сидела за центральным столом, положив телефон возле тарелки. Я потянула вниз край бабушкиного свитера: единственная домашняя вещь, которую взяла с собой, вдруг показалась слишком яркой. От неё пахло порошком; стирала вчера в общей машинке. Тут, оказывается, даже стирка требовала происхождения.

Ли́ка сидела за центральным столом, окруженная своей свитой. Она даже не подняла глаз от телефона, когда я проходила мимо, но её голос разрезал гул зала, четкий и холодный:

— Видели этот цвет? Это оттенок нищеты. И запах... Господи, она ходила в прачечную самообслуживания? В «общую» машинку?

У стойки удалось взять чашку, не пролив. Блюдце всё равно звякнуло — пальцы дрожали. Я отвернулась от Ли́ки, собиралась уйти, когда Катя вылила на мои ботинки йогурт. Зацепило и юбку, и чужую туфлю рядом. Девушка с испачканной туфлей отступила, но Катя даже не извинилась. Все смотрели на меня. Я поставила кофе и взяла салфетку. Очень хотелось вытереть ею лицо Кате, но пришлось наклониться к ботинкам. После этого ушла; чашка так и осталась у стойки.

У раковины на втором этаже наконец получилось вдохнуть. Плеснула на лицо воду. Йогурт с ботинок ещё можно было смыть, а вот услышанное не исчезало. Вошла Маша, соседка по комнате. Мы вчера разложили полотенца на разных крючках, чтобы не мешать друг другу. Разговаривали тоже всё меньше. Я поймала её взгляд в зеркале.

— Маш, пожалуйста. Скажи им хоть слово. Или просто перестань смеяться над шутками Ли́ки. Мне кажется, я схожу с ума.

Маша отступила к свободной раковине и скомкала край халата. Я вспомнила, что утром обещала дать ей свою резинку: её порвалась. Резинку она бы взяла. А сейчас даже не смотрела прямо.

— Если буду с тобой разговаривать, меня тоже вырежут из списка на стажировку в Большой театр, Вера. Ты понимаешь? Стажировка. А ты... ты просто балласт.

Она поправила причёску и прислонила телефон к раме. Счётчик на экране шёл вверх. Я сначала решила, что она снимает себя, потом увидела в маленьком прямоугольнике своё мокрое лицо. Тушь растеклась от воды и слёз. Маша смотрела на экран, пока я вытиралась. «Смотрите, какая актриса» — уже слышала эту будущую подпись. За полотенце ухватилась так сильно, что задела крючок. Выбежала раньше, чем успела разреветься по-настоящему.

В комнате я прислонилась спиной к двери, давая сердцу успокоиться. Ноги сами принесли меня сюда — обратно к раковине я бы не вернулась ни за что. Только когда дыхание выравнилось, я подняла глаза и увидела, что кто-то побывал здесь до меня.

На моей подушке лежала белая карточка с монограммой академии. Вещи вокруг были переложены, и я машинально проверила сумку, прежде чем взять записку. Угловатый почерк Артемия здесь знали все: его объявления висели возле зала. Я прочитала короткую фразу дважды.

«Танцуй чисто или уходи грязно».

Скомкала карточку. В комнате не было никого, кому можно вернуть её с ответом; оттого хотелось швырнуть сумку в угол. Уже подняла руку, когда дверь скрипнула. Кирилл вошёл с маленькой аптечкой. Посмотрел на мятый свитер, потом на мои стопы в старых носках. Положил антисептик, пластыри и эластичную ленту рядом со мной. Я спрятала карточку под бедро: даже ему не хотелось показывать, что Артемий нашёл меня и здесь. Кирилл подвинул аптечку к ногам, указал на съехавший край повязки. Ссадину я могла обработать сама. Хотя бы это.

— Пойдем, — сказал он сухо, развернувшись к двери. — Нужна помощь с архивом партитур в подвале. Ректорат требует инвентаризацию до обеда. Тебе нужна тишина. Там её много.

В архив я пошла охотно. Там, если повезёт, никто не будет спрашивать, почему свитер пахнет порошком. Кирилл держался на расстоянии, шаги у него были неровные. У лестницы я уже привыкла к их звуку, когда на нас направили камеру. Лика стояла между перилами и стеной.

— Кирилл, ты же знаешь правила. Общение со студентами вне расписания запрещено ректоратом. Хочешь потерять работу? Или тебя интересует конкретная студентка?

Шагнула за Кирилла и вцепилась в его пиджак. Мне стало стыдно за это раньше, чем он успел ответить. Всё утро хотела стоять сама, а теперь пряталась за чужой спиной. Кирилл сжал челюсти и остался на месте.

— Мы идём на работу, Лика. Инвентаризация. У вас есть претензии к бухгалтерии?

Лика усмехнулась, убирая телефон.

— Только к этике, Кирилл. Только к этике.

Лика ушла, громко стуча каблуками по ступенькам вверх. Мы спустились вниз, к лестнице за лифтовой шахтой, и почти не разговаривали: за нами могли следить, а в подвале хотя бы стены были глухие.

В подвале гудели лампы. Стол, коробки, папки с потёртыми корешками; можно заниматься ими и не смотреть ни на чьи лица. Я вытянула пожелтевший нотный лист, не уверенная, к какой стопке отнести. Кирилл показывал рукой, мы почти не говорили. Потом я всё-таки спросила:

— Почему рискуешь? Из-за меня?

Кирилл не поднял глаз от своего дела.

— Я вижу, как ты держишь баланс даже стоя на стёртых пальцах, Вера. Мне интересно, сколько это продлится.

Я ждала другого ответа. Например, что он считает Лиду душой. Или что ему просто жаль меня. Кирилл же говорил о балансе на стёртых пальцах, как о любопытном упражнении. Я аккуратно положила лист в коробку, чтоб не выдать дрожь. Возможно, сама придумала ему доброту вместе с повязкой. Но он заметил, что я удержалась. Лика говорила только о падениях; к этому различию я и прицепилась.

Коробки разобрали раньше срока. У лифта стоял Артемий. По тому, как Кирилл сразу вышел вперёд, поняла: тот ждал нас, а не лифт. Артемий смотрел на мои носки.

— Ты пахнешь плесенью и страхом. Иди умывайся. Завтра открытый урок по пуантам. Придёшь в этих грязных носках — лично выбью тебе зубы.

Он сделал шаг ближе, вторгаясь в мое личное пространство. Я чувствовала запах его дорогого одеколона и металла. Он понизил голос до шепота, который слышала только я, хотя Кирилл стоял совсем рядом.

— Но если ты упадешь красиво... может быть, я оставлю тебя в живых.

Я посмотрела на его рот, потом на кнопку лифта. На такие слова здесь положено было улыбаться, будто шутка удачная? Не смогла. Дождалась открытой двери, вошла и нажала свой этаж. Кирилл остался возле меня, но всю дорогу я смотрела только на цифры над дверью.

На своём этаже я вышла первой и не обернулась. Коридор до комнаты прошла как во сне: щели под дверями, откуда тянуло чужим смехом, чей-то телевизор за стенкой. Тело требовало сна, а голова — нет.

Ночь была бесконечной. Я лежала в темноте, слушая шепоты за дверью комнаты. Голоса соседей были глухими, но отчетливыми.

— ...паразит...

— ...надо травить, иначе заразит репутацию...

— ...она точно слетит...

Я лежала, пока эти голоса перебирали меня по кусочкам. Потом села. Можно было терпеть в столовой, где много людей, но в своей комнате я хотела хотя бы спать. Натянула худи и распахнула дверь. Коридор оказался пустым. Проверила лестницу: ни шагов, ни смеха. А слова всё ещё шли. Я подошла к решётке динамика; за ней виднелся маленький диктофон. Запись. Мне даже спорить было не с кем.

Голоса напоминали посиделки Лики, но это ещё не означало, что диктофон принесла она. Заставила себя не бежать к её двери. Камера над лестницей смотрела прямо на меня. Завтра покажут мой ночной крик, а причину уберут из записи. Я постояла перед динамиком, пока не услышала знакомую фразу второй раз. Тот же смешок, та же пауза. От этого стало противно, но легче повернуться и уйти.

Закрыла свою дверь, проверила замок. При ночнике сняла худи и опустилась на пол. Начала с осторожного наклона, без упора на стёртые пальцы. Пока считала выдохи, запись за дверью ещё было слышно. Потом сбилась со счёта и начала заново. Впервые сегодня это сделала по своему желанию, а не потому, что кто-то велел повторить.

Позже, лежа в постели, я смотрела на свои стопы, обмотанные эластичной лентой, которую дал Кирилл. На краю пластыря выступило сухое пятнышко крови. Я сменила его и осторожно согнула пальцы. Саднило. Зато теперь знала, какое движение надо беречь.

Я больше не боялась боли.

Я боялась, что однажды мне станет приятно падать.

Сон окончательно ушёл — сначала его съели шёпоты за дверью, потом собственные мысли. Тогда я села, перебинтовала стопу потуже и выскользнула из комнаты: если не спится, пусть хотя бы качается поворот, а не голова.

В ночном коридоре пахло пылью и хлоркой. Мне нужен был пустой зал: спокойно разобрать поворот, на котором я вчера завалилась. Мои стопы горели так, будто я прошла босиком по битому стеклу, а не по паркету главного зала. Артемий растоптал мою балетку, Лика — репутацию, а этот чертов корпус №3 — право нормально дышать. Но стипендия висела над головой дамокловым мечом: один пропуск тренировок без уважительной причины — и я лечу домой, в нищету и серость.

У зала №4 горел красный индикатор. Я приложила ладонь к двери — глупо, конечно, от ладони замок не откроется, — и прислушалась. Геннадич проходил этаж каждые пятнадцать минут. До следующего обхода можно было либо попасть внутрь, либо вовремя исчезнуть. Его шаги уже тянулись от дальней лестницы.

Глава 5

— Ты выглядишь как крыса, загнанная в угол, — голос раздался из тени у окна.

Кирилл стоял у окна, и я едва не ударилась затылком о стену. У него была растянутая толстовка; он стоял с руками в карманах, будто вышел покурить. Вчера этот же человек сидел над моими бинтами. Ночью у запертой двери это почему-то не помогало ему доверять.

— Уйди, — прошипела я, чувствуя, как злость смешивается со страхом. — Если ты снова играешь в свои игры...

— Если бы я хотел тебя сдать, я бы уже позвонил ректору, — он шагнул ближе. В руке блеснула пластиковая ключ-карта. Мастер-ключ ассистента хормейстера. Тот самый, который он украл неделю назад, о чем шептался весь курс. — Зал №4 закрыт для ремонта, но там сухо и темно. И никто не проверяет камеры в этом секторе.

После этого протянул воду и пакет со льдом. Потрогала бутылку: холодная. Если задумал какую-то издёвку, реквизит выбрал странный. Я взяла лёд, но к двери всё равно не приблизилась, пока он сам не приложил карту.

Замок мигнул зелёным. Кирилл нажал на ручку и подержал дверь, ожидая меня. Стало страшнее: пока она была заперта, решение принимать не приходилось. Теперь могла сама войти — или уйти с бутылкой воды, как воровка чужой заботы.

Ремонт здесь действительно затеяли: облезлая краска, паутина по краям зеркал, бетон без покрытия. У выхода светила аварийная лампа. Я проверила пол перед собой; под босую ногу ничего лишнего не хотелось получить. Сумку поставила возле двери, воду и пакет со льдом положила рядом.

Остановилась недалеко от двери. Кирилл прошёл следом, я прислушалась к коридору.

— Разуйся, — сказал Кирилл, закрывая дверь.

При слове «разуйся» снова вцепилась в сумку. Ему удобно будет снять мои ноги крупным планом, если захочет. Вчера я тоже не ожидала камер. Теперь любое «доверься» сначала заставляло меня искать, куда можно отступить. Здесь отступить было к стене.

— Я не буду, — сказала я, отступая к стене. — Ты странный. Слишком тихий для человека, который хочет помочь. Что тебе нужно? Деньги? Связи?

Кирилл сел на бетон и стал расшнуровывать кроссовок. Я смотрела на его макушку: раз уж собирается тоже разуваться, зачем так долго молчать? Но он тянул шнурок медленно, не глядя на меня, и мне расхотелось торопить.

— Мне нужна тишина, — произнес он наконец.

Кирилл стянул носок. На стопе был старый шрам. Белая полоса стягивала кожу возле сгиба, словно кто-то слишком туго зашил ткань. Я отвела глаза и сразу посмотрела снова. Про колено слышала; про это никто не рассказывал. Кирилл провёл пальцем рядом со шрамом, не по нему.

— Я тоже падал, — тихо сказал он, глядя на свою ногу. — Только я не встал. Не физически. А внутри.

Я стояла перед ним в пуантах, хотя сама толком не могла в них ходить. Он показал ногу и не добавил ничего утешительного. Просто ждал. Тогда села возле сумки, развязала ленты. Пластырь потянулся за тканью — пришлось отлеплять осторожно, стиснув зубы.

— Встань в позицию, — скомандовал он, надевая обратно кроссовки. — Базовое плие. Медленно.

В первой позиции пятки сошлись неровно. Начала плие, удерживая привычно выпрямленную спину. Правое колено подломилось, и я сразу подалась плечом назад. Опять то же самое: спасаю корпус, теряю ноги. Бетон подо мной никуда не исчез, только опоры я на нём не находила.

— Черт! — выдохнула я, теряя равновесие.

Кирилл перехватил ладонь. Был уже рядом — я не заметила, когда поднялся. Другой рукой поправил положение таза. Пришлось перестать выгибаться и перенести вес туда, куда он показывал. Запястье саднило от хватки. Но колено больше не тянуло меня вниз.

— Не держи вес на мышцах, — прошептал он мне в ухо. Его дыхание было ровным, почти скучающим. — Отдай гравитации. Тело должно быть тяжелым, как камень, а не легким, как пух. Пух сдувает первым порывом ветра. Камень остаётся.

Сделала маленькое плие ещё раз. Пятки остались на бетоне. Я ждала, что меня снова качнёт, и поэтому опустила совсем неглубоко. Удержалась. Это было смешное достижение после многих лет занятий, но повторить его хотелось немедленно. Без чужой ладони на запястье.

— Танцуй, — сказал Кирилл, отпуская меня.

Он включил музыку на своем телефоне. Никакого классического пианино. Медленный, гипнотический бит, гул низких частот, от которого вибрировали ребра.

— Так нельзя, — возмутилась я, начиная движение. — Это профанация. Академия требует техники, линий, высоты.

— Академия требует кукол, — отрезал он. — А ты хочешь стать живой?

Кирилл пошёл через зал низкими шагами. Правую ногу берег, прыжков не делал; поворот начинал плечом, затем позволял корпусу догнать движение. Я пыталась угадать следующий шаг и каждый раз ошибалась. Такого в нашем расписании не было. Но отвести взгляд не получалось.

И начала повторять.

Первые два перехода повторила плохо, на третьем завалилась в привычную красивую линию. Кирилл качнул головой. Пришлось согнуть колени сильнее, принять тяжесть корпуса, а не поднимать себя из неё. Бетон охлаждал подошвы; пыль приставала к пальцам. Мне впервые хватало времени почувствовать, где именно стою, прежде чем двигаться дальше.

Пока пыталась повторить связку, мы сблизилась. Опёрлась рукой о стену, затем о его плечо — так было легче закончить переход. Кирилл направил талию, и я услышала вдох возле уха. Захотелось повернуться. Слишком маленькое движение для того, как сильно оно вдруг занимало голову. Я считала музыку, чтобы не сделать его случайно. Чужое плечо под ладонью было тёплым.

Щёлк.

Свет ударил по глазам. Я заморгала и потеряла счёт. Ладонь ещё держала плечо Кирилла; теперь под пальцами чувствовала, как он напрягся.

На пороге стоял Артемий.

Артемий смотрел на мою ладонь на плече Кирилла. Я сразу вспомнила, что рассказывала про общение вне расписания Лика. Ночь, закрытый зал, мы вдвоём. Утром никто не станет слушать про плие. Кирилл ещё держал меня за талию. Я смотрела на дверь, не решаясь пошевелиться.

В голове уже составлялось объяснение для ректора. С каждым предложением оно становилось хуже. Я хотела просто научиться не падать. Теперь это выглядело как тайное свидание, и Артемий видел нас лучше, чем я видела его в ярком дверном свете.

Я резко отдернулась, едва не упав.

Но Кирилл не спрятался. Он спокойно потянулся к выключателю и щёлкнул рубильником обратно. Свет погас. Осталась только тусклая аварийная лампа и силуэт Артемия в дверном проеме.

— Она учится дышать, — голос Кирилла прозвучал в темноте четко и холодно. — Ты можешь мешать этому?

Артемий не ответил. На его часах блеснул металл; я смотрела на него, потому что лица в темноте уже не различала. Секундная стрелка двигалась. Он мог позвать охрану за любую из этих секунд. Я слышала, как дышит Кирилл, и считала его вдохи вместо своих.

Затем послышался тихий скрип двери. Артемий отступил с порога. Он не вызвал охрану. Не ударил меня. Не высмеял Кирилла. Он просто закрыл дверь.

Я ждала его возвращения, прислушиваясь к шагам. Ушёл сам — значит, ему что-то нужно от нас. От этой мысли хотелось запереть дверь на ещё один замок.

Когда звук шагов стих, напряжение не спало. Я тряслась, прижавшись к стене.

— Ты подверг меня риску! — закричала я на Кирилла, хотя в темноте видела только контур его фигуры. — Если бы он остался...

— Он мог вызвать охрану прямо сейчас, — перебил Кирилл. — Но не сделал этого. Почему?

— Потому что ему интересно.

— Да. Потому что ты перестала быть сломанной игрушкой. Ты стала опасной.

Я посмотрела на ноги. Стёртые пальцы саднили, но я уже не переносила на них весь вес. Сделала шаг, ещё один. Плечи перестали дёргаться в попытке поймать равновесие. Значит, это можно повторить.

Кирилл подошел к сумке и достал оттуда старую, потертую тетрадь в кожаном переплете. Уголки страниц были загнуты, корешок потерялся от времени.

— Возьми, — он протянул её мне.

— Что это?

— Схема движений с первых учебных выступлений Артемия. До своей «звездной болезни». До того, как стал куклой своего отца.

Я открыла тетрадь. На страницах были наброски — быстрые, нервные линии, передающие динамику тела. И пометки Кирилла острым карандашом: «Плечи зажаты», «Нет дыхания», «Убийство души ради формы».

А внизу, на полях, одна фраза, написанная другим почерком — более уверенным, мужским: «Он был таким же сломанным, как ты. Пока отец не научил его убивать в себе человека».

Мир перевернулся.

Посмотрела на Кирилла поверх страницы. Под аварийной лампой виднелись щека и край рта. Тетрадь я пока не закрывала: пусть объяснит, что показывает.

— Ты знаешь его прошлое, — прошептала я. — Знаешь, почему он такой.

— Я знаю цену его таланта, — ответил Кирилл. — И цену твоего.

— Зачем ты даёшь мне это? Чтобы я использовала против него?

— Нет. Чтобы ты поняла: ты не первая жертва этой системы. И, возможно, последняя, если выберешь правильный путь.

В тетради чужая семья была разложена так же, как мои повороты в блокноте. Зажатые плечи, замечания на полях. Кирилл принёс меня сюда учиться — или приготовил мне оружие против Артемия? Я посмотрела на его руку, которой он придерживал страницу. Этой же рукой вчера перевязывал стопу. Спросить, чего он хочет взамен, было страшнее, чем упрекать его.

Я схватила тетрадь и выбежала из зала. За высокими окнами коридора светлело. Стёкла запотели у рам. Воздух был сырым и холодным, но я всё ещё чувствовала опору под ногами сквозь саднящую кожу.

Я остановилась у окна, тяжело дыша, и снова открыла тетрадь. На последней странице, среди зарисовок, была дата.

«12 октября».

День смерти моей матери.

Кирилл знал эту дату? Или я сама ищу замысел в каждом совпадении? Я перелистнула назад: никаких объяснений. Только рисунки, и от этого стало ещё тревожнее.

Захлопнула тетрадь. У окна уже светлело; до утреннего урока нужно хотя бы успеть умыться. Дата на последней странице не выходила из головы. Хотелось вернуться и спросить прямо про маму, но после всей ночи сил хватало только держать эту тетрадь под мышкой. Он дал мне её добровольно. Значит, рассчитывал, что я найду.

Глава 6

Перед дверью гримёрки остановилась так резко, что натёртая стопа отозвалась болью. Ручка не опускалась. Духи Лики я уже узнавала; сейчас ими пахло из щели. Мой костюм висел внутри. Ночью я утюжила складки через влажную тряпку, боялась прожечь тонкую ткань. Теперь до прогона оставались минуты, а я не могла даже проверить, на месте ли он.

— Открой! — крикнула я в дверь, чувствуя, как холодный пот стекает по позвоночнику.

Лица не торопилась к двери. Я слышала её шаги и с каждым всё сильнее дёргала ручку. Наконец она вышла, прислонилась к стене. Из кулака свисали лоскуты. Шифон, атлас, кружево — узнала всё по цветам. Подкладку я пришивала последней. Лоскут с ней тоже был у Лики.

— Ой, Верочка, — протянула она, и в голосе звенело фальшивое удивление. — Ты чего орёшь? Тут же тишина должна быть. Подготовка к экзамену.

Я потянулась за лоскутами. Лица отступила, переступила через выставленную мной ногу и подняла руку за голову. Ночью я научилась лучше держать опору; это не помогало достать собственную ткань. Пришлось остановиться прямо перед ней и попросить вслух.

— Это что такое? — спросила она, рассматривая клочки ткани с брезгливой улыбкой. — Я думала, это тряпки для уборщицы. Грязные, рваные... Ну ты же знаешь, у нас тут всё стерильное. А этот мусор... он портит эстетику.

— Отдай, — прошипела я, чувствуя, как горло сжимается от ярости. — Это не мусор. Это моя работа.

— Твоя? — Лица хихикнула, и звук этот был острее стекла. — Деточка, твоё имя здесь ничего не значит. Без связей ты никто. И без денег ты тоже никто. Так что, может, тебе стоит пойти поискать себе нормальные штаны? Или... — она обвела меня взглядом, оценивающим и холодным, — надеть то, что найдётся в мусорке?

Артемию подошёл, когда я ещё пыталась отнять ткань. Остановился в двух метрах и посмотрел на Лику, потом на меня. Я почти ждала, что спросит про ножницы. Он осмотрел белый манжет своей рубашки и заговорил о комиссии. На таком расстоянии слышно всё. Значит, выбирал не зная сам.

— Кончайте базарить, — бросил он холодно, даже не повышая голоса. — Комиссия ждёт. Если кто-то опоздает, пусть объясняет причину лично ректору.

Артемию ушёл к залу. Лица проводила его взглядом и бросила лоскуты под мои ноги. Один зацепился за носок её туфли; она стряхнула, прежде чем закрыть свою дверь. Теперь на полу лежало всё, ради чего я вчера не спала.

Села на колени и собрала куски. Длинной полосой можно было ещё завязать бант, но юбки из неё уже не получится. Иголки даже доставать бессмысленно. В зале объявляли начало прогона. Я хватала ткань с пола всё быстрее, будто скорость могла вернуть ей форму.

Поднялась, прижимая подобранные лоскуты к животу обеими руками. Большой зал был рядом — из-за угла коридора доносилось, как рассаживается комиссия, и каждый каблук гулко отдавался от плитки.

Громова остановила меня у большого зала. За ней рассаживалась комиссия: мужчины поправляли пиджаки, женщина открыла блокнот. Свет мешал разглядеть лица. Я держала лоскуты на виду: почти всё объяснение у меня в руках.

— Вера, — Громова понизила голос, но он дрожал от напряжения. — Где твой костюм? У тебя есть тридцать секунд, чтобы объяснить отсутствие реквизита.

Я посмотрела вниз. На мне были старые тренировочные леггинсы цвета хаки и растянутая футболка с пятном от чая. Никакой балетной пачки, никаких кружев. Только тренировочная одежда, в которой я пришла на разминку.

— Костюм уничтожили, — сказала я чётко. — Но я готова танцевать. Мое тело готово. Пластика земли, которую мы отрабатывали...

— Дресс-код обязателен, — перебила Громова, её лицо окаменело. — Вы знаете правила академии. Нищие студенты могут репетировать в зале, но выходить на судейство в таком виде запрещено. Это неуважение к искусству. И к нам.

Громова показала вниз, на мои леггинсы. Костюм у меня в руках её не занимал. Я сама посмотрела на серую пыль у кулисы и почувствовала, что сейчас расплачусь от совершенно нелепой несправедливости: сюда допускают пыль, а меня — только в кружеве. Расправила самый длинный лоскут, показала ей разрез. Она отвернулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.